

ное Лукьяном крепостному праву. Среднее положение занимают люди, которые хотя и крепостные, зависимые, но пользуются некоторыми, весьма ограниченными, преимуществами.

Клементий — главный злодей пьесы не потому, что приказчики обычно такие, а потому, что он продажен (крестьяне в 3-й сцене уже думают о взятке, какую они предложат) и использует представившуюся возможность (продавая Лукьяна, он «покупает» Анюту, как и карету). Он, однако, исполнитель требований и прихотей своего хозяина; если они неблагоприятны и чрезмерны, он обязан в свою очередь быть неблагоприятным или найти решение в духе Афанасия. Тот же хорошо понимает положение Клементия и говорит не только потому, что желает Анюту себе, не будь он женат, но он также избрал бы Лукьяна новобранцем как самого сильного, высокого — и самого выгодного. Скрытая ирония или обдуманное мнение? Лукьян обвиняет его в насмешке («Ты шутишь, а у меня не смех на уме»), что дает Афанасию возможность пропеть свое жизненное кредо в арии, содержащей такие строки:

Кто шут, кто плут,
Того не гнут —

и еще:

По дудочке чужой плясать — вот вся наука,
Быть шутом, плутом — в том вся штука (с. 291).

Именно как к *плуту* обращается Афанасий к Клементию по крайней мере в четырех случаях, и как *плуты*, а не как *шуты* они объединены. Клементий, несмотря на свою способность читать, в сущности, глуп, *дурак*, подобно его хозяевам, Фирюлиным; Афанасий, напротив, мудрый дурень. Он пресыщенный жизнью циник: «Плюнь на все» (с. 297) — его слова; он корыстен и хочет подобно Клементию получить деньги у Трофима и других за «добрые дела», но он готов — неохотно, конечно, — вернуть деньги, если они не заработаны. Он разыгрывает дурака (вспомним его слова, обращенные к Лукьяну: «И вам бы не дурно было, когда б вы шутить умели» — с. 291), но его дурачество по существу заключается в откликах, скорее язвительных, острых и ироничных, чем смешных и оскорбительных. Поучительно рассмотреть несколько его замечаний в адрес Фирюлиных, которые появляются только в двух последних сценах. В первой половине 5-й сцены второго действия содержится ряд суждений Фирюлиных, показывающих сумасбродство их галломании, что сопровождается семью рассуждениями, или ответами, Афанасия. Это потрясающие саркастические суждения вроде следующих: «Сто-